

DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54
УДК 94(57)+314.46

Дата: поступления статьи / Submitted: 05.11.2019
после рецензирования / Revised: 20.01.2020
принятия статьи / Accepted: 21.02.2020

Научная статья / Scientific article

Е.И. Красильникова

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: katrina97@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0014-0655>

И.А. Вальдман

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: veritasnostra@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3225-6444>

Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв.

Аннотация: Цель данной статьи – предложить обобщающую характеристику динамики развития политики памяти, отражавшейся на процессах социально-политической саморегуляции Сибирского региона на протяжении XX – в начале XXI вв. В рамках исследования решается задача определения основных институционализированных форм, приемов и способов использования исторических символов в рамках устоявшихся в Сибири в XX – начале XXI вв. публичных коммеморативных практик и типичных исторических нарративов. В задачи также входит определение этапов истории разносторонних проявлений политики памяти в мемориальной культуре Сибири в этот период. Актуальность предлагаемой статьи обусловлена необходимостью изучения смысла и приемов использования исторических символов и коммемораций в рамках политики памяти для формирования критической, научно обоснованной позиции в ее отношении. Исследование строится в рамках проблемного поля Memory Studies, опирается на междисциплинарный, социокультурный и социально-конструктивистский подходы. Использовались сравнительно-сопоставительный, диахронический и системно-генетический методы. Авторы впервые рассматривают политику памяти применительно к Сибири как постепенно складывавшуюся и трансформировавшуюся в зависимости от различных условий и факторов систему. Научная значимость работы состоит в том, что политика памяти, реализуемая в регионе посредством исторических символов и коммеморативных практик, исследуется как комплексный социокультурный феномен саморегуляции общественного сознания регионального социума. В итоге делаются выводы о динамике использования в рамках политики памяти исторических символов и коммемораций различными акторами региональной политики в сферах выстраивания отношений с центральными властями и в процессах внутренней региональной социально-политической саморегуляции. Авторы определяют этапы истории разносторонних проявлений политики памяти в мемориальной культуре Сибири. Сибирский макрорегион, несмотря на отдельные этнокультурные особенности в районах компактного проживания местных народов, сформировался как один из наиболее российско ориентированных по своей культуре и доминирующей социально-политической идентичности. И основанием такого результата стала совокупная символическая саморегуляция сибирского социума, включающая в себя диалектически взаимодополняющие друг друга общегосударственный и региональные уровни политики памяти. **Ключевые слова:** политика памяти, исторические символы, коммеморативные практики, историческая память, Сибирь.

Благодарности. Грант РФФИ и АНО ЭИСИ: опн 19-011-31114.

Цитирование. Красильникова Е.И., Вальдман И.А. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 1. С. 47–54. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

E.I. Krasilnikova

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation
E-mail: katrina97@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0014-0655>

I.A. Valdman

Siberian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: veritasnostra@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3225-6444>

Politics of memory: historical symbols and commemorative practices in the system of socio-political selfregulation of the region (Siberia of the XX – early XXI centuries)

Abstract: The purpose of this article is to generalize the dynamics of developing politics of memory, which was reflected in the processes of socio-political self-regulation of the Siberian region during the XX – in the early XXI centuries. The study solves the problem of identifying the basic institutionalized forms and methods of using historical symbols within the framework of public commemorative practices and typical historical narratives, being established in Siberia in the XX – beginning of the XXI centuries. The tasks also include identifying the stages of history of diverse manifestations of politics of memory in the memorial culture of Siberia in this period. The relevance of this article is due to the need of

studying the meaning and methods of using historical symbols and commemorations within the framework of the politics of memory in order to form a critical, scientifically based position in relation to it. The study was implemented within the framework of the Memory Studies problem field and relies on interdisciplinary, sociocultural and socio-constructivist approaches. Comparative, diachronic, and systemic genetic methods there were used. For the first time the authors of the project intend to consider the politics of memory in relation to Siberia as a system that has gradually been formed and transformed depending on various conditions and factors. The scientific significance of the project is that the politics of memory implemented in the region by means of historical symbols and commemorative practices will be studied as a complex sociocultural phenomenon of regulating social consciousness of the regional society. As a result of the project implementation, the dynamics of using historical symbols and commemorations by various actors of regional politics in the sphere of building relations with central authorities and internal regional socio-political self-regulation processes. The authors define the stages of history of diverse manifestations of the memory policy in the memorial culture of Siberia. The Siberian macro-region, in spite of certain ethnocultural features in the areas where local peoples are densely populated, has emerged as one of the most Russian-oriented in its culture and dominant socio-political identity. And the basis of this result was the aggregate symbolic self-regulation of the Siberian society, which includes the dialectically complementary national and regional levels of memory policy.

Key words: politics of memory, historical symbols, commemorative practices, historical memory, Siberia.

Citation. Krasilnikova E.I., Valdman I.A. Politics of memory: historical symbols and commemorative practices in the system of socio-political self-regulation of the region (Siberia of the XX – early XXI centuries). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2020, vol. 26, no. 1, pp. 47–54. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54>.

Acknowledgments. Grant of the Russian Foundation for Basic Research and ANO EISI: opn 19-011-31114.

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© **Екатерина Ивановна Красильникова** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и политологии, Новосибирский государственный технический университет, 630073, Российская Федерация, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20.

© **Игорь Александрович Вальдман** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политических наук и технологий, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 630102, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 106.

© **Ekaterina I. Krasilnikova** – Doctor of Historical Sciences, associate professor, professor at the Department of History and Political Science, Novosibirsk State Technical University, 20, K. Marksa Avenue, Novosibirsk, 630073, Russian Federation.

© **Igor A. Valdman** – Candidate of Philosophical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Political Science and Technology, Siberian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 6, Nizhegorodskaya Street, Novosibirsk, 630102, Russian Federation.

Введение

Внимание современных гуманитарных наук как в России, так и за рубежом приковано к проблемам исторической памяти. Это обусловлено тем, что через ценностное отношение к прошлому общество решает проблемы самоопределения и поиска путей развития в будущем. А государство, политические, общественные и религиозные организации стремятся к контролю над исторической памятью общества, видя в его отношении к прошлому ценный ресурс символической политики. Именно поэтому актуальным становится формирование критической, научно обоснованной позиции в отношении публичных коммемораций, выражающих политику памяти.

Изучение истории политики памяти имеет особую актуальность в таких многонациональных и поликультурных регионах, как Сибирь, где мемориальные процессы практически всегда протекают неоднозначно и часто противоречиво. Сибирь неизменно ассоциируется с рядом устойчивых исторических образов, которые более века с разной степенью успешности постоянно использовались в политических целях субъектами региональной политики. Коммеморации могут выражать как политическую солидарность региона с центром, так и политический протест против центра. Дисбаланс в соотношении общедоступных населению коммеморативных репрезентаций прошлого страны и региона отражает болевые точки в отношениях между центром и отдельными провинциями,

что ведет к обострению социальной напряженности, проявляющейся в разных формах, в том числе и в выплесках агрессии в адрес исторических символов. В этой связи важно исследование преемственности и разрывов использования исторических символов и коммемораций как выражений региональной политики памяти, разными акторами в выстраивании социально-политических отношений между Сибирью и центральными государственными властями в исторической ретроспективе.

Политика памяти как средство формирования и конструирования коллективной памяти россиян на разных исторических этапах, а также как инструмента манипулирования коллективной памятью представлена в наиболее значимых работах этого ряда: А.Е. Копосова [Копосов 2011, с. 315], А.И. Миллера [Миллер 2009], Г.А. Бордюгова и В.М. Бухарева [Бордюгов, Бухарев 2011]. В монографии иркутского философа М.Я. Рожанского региональная политика памяти рассматривается как фактор формирования в пределах Сибири, особенно культурного и социально-политического пространства памяти [Рожанский 2014]. В числе наиболее значительных работ, посвященных формированию идеологизированных исторических образов Сибири, необходимо назвать произведения М. Бассина [Бассин 2005] и Н.Н. Родигиной [Родигина 2006], а началу их использования в праздничных коммеморациях – А.В. Ремнева [Ремнев 2007]. Конструирование системы памятных мест,

связанных с революцией и Гражданской войной, наиболее полно исследовались на примерах Омска П.П. Вибе [Вибе 2019].

Постановка задач

Цель статьи – предложить обобщающую характеристику динамики развития политики памяти, отражавшейся на процессах социально-политической саморегуляции Сибирского региона на протяжении XX – в начале XXI вв. Ярче всего политика памяти проявляется в отношении властей и других значимых для региона политических субъектов к памятным местам, в публичных коммеморативных практиках (праздничных и траурных), а также в формировании коммеморативных нарративов (официально-идеологических, публицистических, научных, художественных).

Поэтому, во-первых, в задачи данного исследования входит определение основных институционализированных форм, приемов и способов использования исторических символов в рамках устоявшихся в Сибири XX – начала XXI вв. публичных коммеморативных практик и типичных исторических нарративов. Решая эту задачу, мы остановимся на примерах празднований юбилеев сибирских городов, формирования в их мемориальном пространстве сегментов, связанных с памятью о событиях и героях Гражданской войны, освещения в литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Сибирские огни» истории тувинского народа, а также репрезентаций сибирского прошлого в региональных отделениях сети исторического парка «Россия – моя история». Избранные нами сюжеты наглядно отражают взаимосвязь единых тенденций политики памяти, присущих тому или иному историческому этапу. Кроме того, эти примеры дают возможность проследить связь между использованием исторических символов, ассоциирующихся с Сибирью, в прошлом и настоящем. В этой связи, во-вторых, в задачи нашего исследования входит определение этапов истории разносторонних проявлений политики памяти в мемориальной культуре Сибири XX – начала XXI вв. Характеризуя специфику каждого из этих этапов, мы выявляем особенности баланса взаимоотношений центра и Сибирского макро-региона в борьбе за принятие значимых решений в политике памяти доступного уровня.

Методология исследования

Решение поставленных задач предполагает обращение к опыту, подходам и методам смежных с историей наук – политологии и социальной философии. Политика памяти реконструируется и характеризуется как целостность в системе социокультурной саморегуляции местных сообществ, включенных с различной степенью локальной специфики в развивающуюся общегосударственную социально-политическую и социокультурную систему. Для этого используются возможности социокультурного и социально-конструктивистского

подходов. Для раскрытия специфики исторической динамики политики памяти применяется системно-генетический метод, а также сравнительно-сопоставительный и диахронический методы.

Данное исследование строится в рамках проблемного поля Memory Studies, предполагающего изучение коллективной памяти и ее включенность в коммеморативные практики, присущие обществу той или иной эпохи и формирующиеся под влиянием политических процессов [Roediger, Wertsch 2008; Verovšek 2016; Segesten, Wüstenberg 2017]. Коллективная память проявляется в коммеморативной активности общества. Под коммеморацией мы подразумеваем способы «производства памяти», посредством которых производится, фиксируется, консервируется и транслируется коллективная память о прошлом (П. Нора) [Франция – память 1999, с. 96]. А система символической саморегуляции общества посредством коммеморативной деятельности обозначается в контексте данного исследования как мемориальная культура.

Система коммемораций складывается в инфраструктуру памяти, которая закрепляет воспоминания для будущего. Формирование и трансформации этой инфраструктуры зависят от множества факторов, из числа которых нас в большей степени интересует политика памяти – способы и сами процессы идеологизации прошлого, – которая является одной из форм символической политики. Специфика политики памяти как символической политики заключается в социально-политической саморегуляции социума посредством комплекса средств и процессов легитимации тех или иных элементов современного порядка с помощью отсылки к реальным или сконструированным событиям прошлого и их идеологически значимым интерпретациям, которые используют политические субъекты в борьбе за принятие политических и административных решений [Temin, Dahl 2017]. Говорить о специальной институционализации политики памяти в Европе и России возможно применительно к периоду не ранее последней четверти XX в., однако и на более ранних этапах различные коммеморации и исторические символы фактически использовались в качестве инструментария неявной политики памяти как для решения внутривнутриполитических задач легитимации социально-политического порядка, интеграции или дезинтеграции общества, так и для реализации задач внешней политики через формирование общедоступных репрезентаций «своего» и «чужого» исторического прошлого.

Ход исследования

Политика памяти проявляется в самых разнообразных дискурсах и практиках, которые можно наблюдать в историческом прошлом и настоящем Сибири на более чем столетнем хронологическом отрезке. Предлагаемое обобщение является

результатом анализа различной коммеморативной деятельности, со временем обретавшей характер в той или иной степени институционализированных практик с присущей им устойчивой воспроизводимостью и регулярной повторяемостью.

И в начале XX в., и в его конце набор коммеморативных практик был довольно внушительным, некоторые практики постепенно добавлялись, но от одного к другому историческому этапу воспроизводился приблизительно один и тот же их набор, обязательно внешне похожий.

Остановимся на примерах торжеств в честь юбилеев сибирских городов. Праздник всегда становился поводом для актуализации множества коммеморативных практик и нарративов. Уже в первой трети XX в. их сценарии, отталкивавшиеся от традиций официальных имперских празднований, включали в себя торжественные шествия, заседания городской администрации, открытие памятников и мемориальных досок, возложение к памятникам венков и цветов, переименование (наименование) улиц, площадей, организаций и учреждений, награждение премиями, корпоративными и общественными знаками отличия, образовательные и воспитательные мероприятия в учебных заведениях, выставки в музеях, школах, вузах, показы театральных постановок и кино, издание краеведческой литературы, публичные встречи с ее авторами, а также со свидетелями политически значимых событий или с авторитетными экспертами по их идеологически приемлемой интерпретации [Красильникова 2019]. Очевидна преемственность воспроизведения этих коммеморативных практик и в современности, что, в частности, показало празднование 300-летия Омска.

На определенном этапе истории политики памяти разные дискурсы и практики выражают общие для этого этапа смыслы. Все рассматриваемые нами примеры коммемораций, существенно разнесенных во времени, объединяет использование одних и тех же исторических символов, которым коммемораторы, однако же, придавали различные смыслы на разных исторических этапах. На языке Я. Ассмана такие символы называются «фигурами воспоминания». Они служат консолидации, пространственному, временному и ценностному ориентированию сообществ, сообщают представление о Родине, служат обучающими образцами, одновременно отражая характер, свойства и слабые стороны этого сообщества [Шенк 2007, с. 16].

Остановимся на важнейших для Сибири XX – начала XXI вв. «фигурах воспоминаний», посредством которых политика памяти выражает главные смыслы. Еще в начале XX в. сибирские коммемораторы, прежде всего из числа либерально настроенной интеллигенции, инициировавшей празднование сибирских юбилеев, активно использовали противопоставление образов «диких народов», «туземцев», «шаманов» («лам») и героических покорителей Сибири – казаков во главе с Ермаком, а также разбойников, уголовных преступ-

ников, отбывавших в Сибири каторгу, и политических ссыльных, в первую очередь декабристов и народников, по распространенному мнению, сыгравших историческую роль просветителей Сибири. Почти неизменно в Сибири почиталась память лидеров областничества, прежде всего Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, ассоциировавшихся с борьбой за преодоление Сибири колониального состояния. Использование всех этих символических фигур происходило в контексте утверждения версии истории Сибирского макро-региона как территории, покоренной и освоенной русскими, только благодаря которым эта, прежде дикая, земля и встала на путь прогрессивного развития, что подтверждают изученные нами примеры [Вальдман, Красильникова, Наумов 2019, с. 225–227].

Региональные попытки частичной трансформации или интерпретационного достраивания политики памяти характеризует представление каждого отдельного региона как части Русской Сибири, а Сибири – как части России. Через эти концептуальные идентификации в местных опытах политики памяти представлен диалог регионов со столицей, в котором главным содержанием становится утверждаемое для любого репрезентируемого периода истории выражение лояльности региона центру и солидарности с ним. Сибирское население через символические интерпретации истории старалось подчеркнуть собственную значимость в рамках «русского мира». Одним из основных стал месседж, что «мы такие же русские, как в европейской России». А если в том или ином случае подчеркивалась иная этническая номинация населения Сибири, то месседж утверждал единство местных народов с русскими. Рефреном проходила мысль о том, что вследствие такого единства центральные власти должны относиться к региону и его населению как к равным и помогать.

В советское время пропаганда существенно дополнила образные ряды героев и антигероев сибирской истории. В первый из этих рядов попали революционеры-большевики, герои Гражданской войны (деятели подполья, красные партизаны, красноармейцы), первые руководители региональных советских и партийных структур, герои, а затем и рядовые участники Великой Отечественной войны, труженики тыла, сибирские ученые и выдающиеся просветители. В советское время на официальном уровне антигероями стали считаться дореволюционные сибирские предприниматели, священнослужители и большинство государственных чиновников царской России. А новейший вражеский «пантеон», состоявший прежде всего из белогвардейцев и белочехов, уверенно возглавил «черный адмирал» А.В. Колчак. Систематическое упоминание этих символических фигур также отвечало задачам утверждения Сибири в качестве принципиально неделимой, сложившейся исторически целостности, неотъемлемой части советской России. В советское время пропаганда

также тиражировала исторические символы, связанные с экономическим прогрессом: строительство железных дорог, добывающей и военной промышленности.

С перестройкой, распадом СССР, формированием официального федерализма и вспышками сепаратистских настроений в отдельных районах Сибири трансформировались смыслы многих традиционных для нашего макрорегиона символических фигур. Темы революции и Гражданской войны теперь криминализировались в официальных коммеморациях. Это время репрезентировалось как страшное и катастрофическое. Образы и имена героев советской версии военно-революционных событий затушевывались в репрезентациях местной истории. Позитивные оценки теперь давались сибирским купцам, местным управленцам и политическим деятелям либеральной и консервативной ориентации, христианским миссионерам, церковным иерархам и лицам, пострадавшим в годы сталинских репрессий. Реабилитировались белочехи и белогвардейцы, а также казаки, поддержавшие режим А.В. Колчака.

Именно последней фигуре памяти была суждена участь яблочки раздора в войне коммемораций. Ожесточенные споры об исторической роли для Сибири Колчака не утихают уже более десяти лет [Вибе 2019, с. 42–44]. Наиболее острые дискуссии ведутся на предмет целесообразности возведения памятников Колчаку. Он имеет для сибиряков особое значение, поскольку в период его пребывания и активной политической деятельности в Сибири от событий в нашем регионе во многом зависела судьба страны. Именно Колчак объявил Омск «третьей» после Москвы и Санкт-Петербурга российской столицей. Для жителей современного Омска велик соблазн в условиях относительной региональной депрессивности использовать этот исторический факт в целях брендинга микрорегиона, имеющего целый ряд пока не решаемых социально-экономических и инфраструктурных проблем.

На излете советского времени началось активное и повсеместное конструирование символических фигур памяти, которые ассоциировались с уникальностью отдельных регионов Сибири. Краеведы принялись реконструировать биографии ранее забытых местных «знаменитостей», искать и маркировать как памятные места дома, где они жили или работали, их могилы и созданные при их участии объекты городской среды. Одновременной тенденцией политики памяти, исходившей от местных властей при поддержке общественности, стало «присвоение» регионами символических фигур памяти, которые до революции четко ассоциировались с общеимперским дискурсом. Лучше всего это заметно на примере празднования 100-летнего юбилея Новосибирска. Так, столичные инженеры-путейцы, трудившиеся над строительством Транссибирской магистрали – «царской железной дороги», были официально признаны го-

родской администрацией «отцами-основателями» Новосибирска, поскольку теперь утвердилась версия рождения города как поселка мостостроителей (НГА. Ф. 745. Оп. 1. Д. 28. Л. 8). Другая версия возникновения города в качестве торгового села отвергалась, поскольку не подходила в качестве аргумента для обоснования якобы изначально присущих Новосибирску качеств инновационности, особой значимости для страны как одного из крупнейших логистических центров, связывающих российский Запад и Восток, а также центра банковского капитала (ГАНУ. Ф. Р-594. Оп. 1. Д. 1201. Л. 45–46).

С середины 1960-х гг. и вплоть до современности на уровне Сибирского региона существенно не изменились публичные коммеморации, связанные с героями, участниками Великой Отечественной войны и тружениками тыла. Сохраняется тенденция героизации целого военного поколения, что отражает неослабевающую актуальность подтверждений особо значимого и самостоятельного вклада Сибири в «Великую Победу», которая играет роль структурообразующего символа в исторической памяти россиян.

На изученных нами примерах можно заметить, что на протяжении XX – начала XXI вв. приемы и методы политики памяти, которая реализовывалась в Сибири, принципиально не меняются. Рассмотрим основные из них.

1. Прием общей негативизации оценок целых периодов сибирской истории, используемый для того, чтобы подчеркнуть контраст между «мрачным», неблагоприятным прошлым и современностью, которая в результате прихода к власти действующего коммеморатора или хотя бы укрепления его политической позиции дает возможность продвигать собственные стратегии регионального развития, выгодно отличается от прошлого.

2. Прием обобщенной героизации целых эпох, поколений, этнических или социальных групп (Гражданская война, фронтовики и др.).

3. Тиражирование однозначных оценок и интерпретаций прошлого. В качестве главной положительной действующей силы региональной истории всегда выделялась титульная нация (русские), или национальность (тувинцы, якуты и др.), которая противопоставлялась прочим «отсталым» народностям, изображавшимся враждебными по отношению к центральной государственной власти.

4. Игнорирование альтернативных исторических нарративов, фактически бытовавших и сохранявшихся в отдельных локусах макрорегиона. Так было, к примеру, с репрезентациями истории Тувы «Сибирскими огнями», начиная с 1940-х гг. якобы во все времена дружелюбно настроенной в отношении России (Кублицкий 1947; Рудман 1941).

5. Умолчание и избегание упоминаний, дискредитация и девальвация значений идеологически враждебных, противоречивых или на современном этапе по каким-либо причинам неактуальных персон и событий, которые не вписывались

корректно в доминирующий дискурс политики памяти. Отсутствие упоминаний, замалчивание, как и односторонне репрезентированные неудобных сюжетов, к примеру, о красном терроре или репрессиях сталинского времени, приводило в дальнейшем к гиперэмоциональному восприятию коммемораций. На волне десоветизации агрессия ответственности направлялась в адрес памятников, что вело, к примеру, к сносу монументов или их порче.

6. Попытки возродить и актуализировать ранее забытые и намеренно вытесненные из коллективной памяти исторические сюжеты.

7. Конструирование цельных, политизированных образов прошлого из обрывков реальных воспоминаний сибиряков.

Проведенное исследование позволяет выявить основные этапы осуществления политики памяти в Сибирском регионе в хронологических рамках XX – начала XXI в. На первом этапе (начало XX в., до свержения царизма) государство активно насаждало в Сибири дискурс имперской памяти, пресекая попытки сибиряков утверждать, собственную уникальность, используя язык истории. Между тем антиправительственно настроенные круги Сибири работали над формированием в коллективной памяти жителей региона символических фигур, которые бы ассоциировались как с собственно сибирской, так одновременно и с русской героикой. Эти образы отражали желание воспринимать Сибирь полноправной, значимой частью России, а не колонией, местом каторги и сырьевым придатком. В это же время на периферию памяти Сибири сместилась память отдельных народов из числа «иногородцев» и переселенцев, имевших собственные исторические нарративы и получивших собственные травмы, связанные с колонизацией.

На втором этапе, пришедшемся на период Гражданской войны и 1920-е гг., Сибирь самоутверждалась в качестве локуса, фактически преодолевшего состояние колонии и ставшего одним из важнейших эпицентров событий масштабов всероссийской истории. В военные годы каждая из противоборствующих сторон по-своему конструировала эту «великую историю», используя, однако, одни и те же исторические символы, коммеморативные практики и приемы политики памяти. Большевицкая версия героической военно-революционной эпохи и истории региона в целом, возобладавшая после Гражданской войны, была сосредоточена на местных героях и событиях, память о которых увековечивалась в быстро и интенсивно преобразовавшемся мемориальном пространстве региона.

На третьем этапе, который, по нашему мнению, растянулся с 1930-х до середины 1960-х гг., происходило подавление сибирского революционного дискурса памяти дискурсом общесоветским. В публичном пространстве региона насаждались культы вождей, жизнь которых лишь частично была связана с Сибирью (В.И. Ленин, И.В. Сталин,

В.В. Куйбышев, С.М. Киров и др.). Мемориализация этих героев осуществлялась посредством уже привычных коммемораций, отвлекавших внимание от еще недавно очень актуальных героев сибирской военно-революционной истории.

На четвертом этапе, со второй половины 1960-х до начала 1980-х гг., в Сибири неуклонно росло внимание к местной истории, прежде всего в ее официозном, военно-революционном, героическом прочтении. Теперь происходила героизация сразу двух поколений: революционного и поколения участников Великой Отечественной войны. Одновременно на примерах празднований юбилеев сибирских городов заметна тенденция потепления отношения к дореволюционному прошлому Сибири, его эстетизация и романтизация.

Пятый этап пришелся на 1980-е гг. и завершился с распадом СССР. Он был ознаменован все большим ростом внимания к местной истории, в том числе и дореволюционной. В частности, так проявлялся рост самостоятельности местных политических элит, довольно эффективно продвигавших собственную политику памяти в электорально-избирательных целях, а также регионального самосознания сибиряков, активно участвовавших во всех праздничных мероприятиях. Одновременно происходил осторожный отход от безальтернативной ранее советизации локальной истории.

На шестом этапе, в 1990-х гг., можно наблюдать явление инверсии в официальных оценках событий и деятелей военно-революционного периода. В публичных коммеморациях, таких как торжества в честь 100-летия Новосибирска, революция и Гражданская война криминализировались. Аналогично менялось отношение к сталинской эпохе с ее экономическими достижениями. В качестве альтернативы революционным мемориалам в Сибири возводились памятники жертвам политических репрессий, отразившие новую тенденцию виктимизации советской истории. Параллельно рос интерес к дореволюционному прошлому Сибири, сопровождавшийся «присвоением» имперского дискурса памяти.

Начало XXI в. – современность – мы рассматриваем в рамках седьмого этапа динамики развития политики памяти в Сибири. В последние два десятилетия свою политику памяти в нашем регионе стремятся активно продвигать различные субъекты. Поэтому мемориальное пространство современной Сибири гетерогенно и одновременно «взрывоопасно». В нем постоянно возникают противоречащие друг другу по идеологическим смыслам коммеморации, что неизменно приводит к открытым мемориальным конфликтам. Сибиряки продолжают поиск местной самоидентификации преимущественно через старые исторические символы. Однако при том, что в официальных коммеморациях доминируют символы и практики, выражающие идеи национального, политического и духовного единства Сибири с европейской Россией, как, к примеру, в сети исторических парков

«Россия – моя история», прежде маргинальная память других народов Сибири все чаще проявляется публично, в том числе и в мемориальных конфликтах. Таков пример открытого протеста совета национально-культурной автономии татар Омска против установки в г. Тара Омской области памятника Ермаку.

Заключение

Проведенное исследование позволяет говорить о Сибири как о едином пространстве памяти. Сибирь велика и разнообразна, однако ее отдельные локусы от Тюмени до Якутска связаны общими для макрорегиона историческими символами, которые уже традиционно используются для того, чтобы «вписывать» прошлое Сибири в контексты общероссийской истории. Формы и приемы такой коммеморативной деятельности всегда оставались преимущественно одинаковыми. Версии же такого «вписывания» на протяжении более чем столетнего периода были разнообразными. Их варьирование зависело прежде всего от отношений центральной политической власти с местными, региональными властями. По большому счету столица всегда транслировала установку на унификацию исторической памяти населения всей страны. Эта тенденция ослабевала вместе с тем, как слабело само государство. Рост же самостоятельности субъектов региональной политики сопровождался актуализацией в публичных коммеморациях символов и нарративов местной истории, утверждавших региональную уникальность, значимость, отличие Сибири и входящих в ее состав областей и республик от других регионов.

Специфика политики памяти в Сибирском макрорегионе в немалой степени связана с социально-политической саморегуляцией территориально детерминированного социума на основе мощного переселенческо-колониационного комплекса исторических символов, включенных в культуртрегерский и цивилизационно-просветительский интерпретационный тренд, легитимизирующий сформированное, в немалой степени интернационализированное сообщество на интегрирующей основе русской культурно-языковой и государственно-административной традиции. Благодаря этим обстоятельствам, а также отсутствию в актуальном региональном символически-регулятивном синтезе существенного объема исторического опыта инокультурной государственно-управленческой традиции, особенно применительно к оседлому населению с современными формами хозяйственного уклада, Сибирский макрорегион, несмотря на отдельные этнокультурные особенности в районах компактного проживания местных народов, сформировался как один из наиболее российско ориентированных по своей культуре и доминирующей социально-политической идентичности. И основанием такого результата стала совокупная символическая саморегуляция сибирского социума, включающая

в себя диалектически взаимодополняющие друг друга общегосударственный и региональные уровни политики памяти.

Источники фактического материала

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области.

Кублицкий 1947 – *Кублицкий Г.* За голубыми Саянами // Сибирские огни. 1947. № 5. С. 99–105.

НГА – Новосибирский городской архив.

Рудман 1941 – *Рудман В.* Тува в прошлом и настоящем // Сибирские огни. 1941. № 3. С. 114–126.

Библиографический список

Roediger, Wertsch 2008 – *Roediger H.L., Wertsch J.V.* Creating a new discipline of memory studies // *Memory Studies*. 2008. Vol. 1. Issue 1. P. 9–22. DOI: <http://doi.org/10.1177/1750698007083884>.

Segesten, Wüstenberg 2017 – *Segesten A-D., Wüstenberg J.* Memory studies: The state of an emergent field // *Memory Studies*. 2017. Vol. 10. Issue 4. P. 474–489. DOI: <http://doi.org/10.1177/1750698016655394>.

Temin, Dahl 2017 – *Temin D.M., Dahl A.* Narrating Historical Injustice: Political Responsibility and the Politics of Memory // *Political Research Quarterly*. 2017. Vol. 70. Issue 4. P. 905–917. DOI: <http://doi.org/10.1177/1065912917718636>.

Verovšek 2016 – *Verovšek P.J.* Collective memory, politics, and the influence of the past: the politics of memory as a research paradigm // *Politics, Groups, and Identities*. 2016. Vol. 4. Issue 3. P. 529–543. DOI: <http://doi.org/10.1080/21565503.2016.1167094>.

Бассин 2005 – *Бассин М.* Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // *Российская империя в зарубежной литературе последних лет*. Самара, 2005. С. 277–310. URL: <http://polit.ru/article/2005/04/12/bassin>.

Бордюгов, Бухарев 2011 – *Бордюгов Г.А., Бухарев В.М.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. Москва, 2011. 248 с. URL: <http://knigogid.ru/books/147142-vcherashnee-zavtra-kak-natsionalnye-istorii-pisalis-v-sssr-i-kak-pishutsya-teper/toread>.

Вальдман, Красильникова, Наумов 2019 – *Вальдман И.А., Красильникова Е.И., Наумов С.С.* Исторический парк «Россия – моя история»: региональный контент versus идеология и смыслы основной экспозиции мультимедийного проекта // *Преподаватель XXI век*. 2019. № 3–2. С. 219–238. URL: http://prepodavatel-xxi.ru/sites/default/files/21_2.pdf.

Вибе 2019 – *Вибе П.П.* Монументальная история Омска: загадки и новые открытия. Омск, 2019. 86 с. URL: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=36836884>.

Копосов 2011 – *Копосов Н.Е.* Память строгого режима. История и политика в России. Москва, 2011. 315 с. URL: <http://padaread.com/?book=106576>.

Красильникова 2019 – *Красильникова Е.И.* Память региональных отличий: юбилей сибирских городов (1904–1943 гг.) // *Вестник Томского государственного*

университета. 2019. № 443. С. 119–131. DOI: <http://doi.org/10.17223/15617793/443/16>.

Миллер 2009 – *Миллер А.И.* Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. Т. 13. № 3–4. С. 6–23. URL: <http://polit.ru/article/2009/11/25/miller>.

Ремнев 2007 – *Ремнев А.В.* 300-летие присоединения Сибири к России: в ожидании «нового исторического периода» // Культурологические исследования в Сибири. 2007. № 1. С. 34–50. URL: <http://sibnasledie.omsu.ru/page.php?id=16>.

Родигина 2006 – *Родигина Н.Н.* Другая Россия. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006. 343 с. URL: <http://www.prlib.ru/item/315797>.

Рожанский 2014 – *Рожанский М.Я.* Сибирь как пространство памяти. Иркутск, 2014. 180 с. URL: <http://mion.isu.ru/ru/news/docs/Rojanski.pdf>

Франция – память 1999 – Франция – память. Санкт-Петербург, 1999. 328 с. URL: <http://freedocs.xyz/pdf-389313199>

Шенк 2007 – *Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой. М., 2007. 592 с. URL: <http://padaread.com/?book=30854>

References

Roediger, Wertsch 2008 – *Roediger H.L. and Wertsch J.V.* (2008) Creating a new discipline of memory studies. *Memory Studies*, vol. 1, issue 1, pp. 9–22. DOI: <http://doi.org/10.1177/1750698007083884>.

Segesten, Wüstenberg 2017 – *Segesten A.D. and Wüstenberg J.* (2017) Memory studies: The state of an emergent field. *Memory Studies*, vol. 10, issue 4, pp. 474–489. DOI: <http://doi.org/10.1177/1750698016655394>.

Temin, Dahl 2017 – *Temin D.M. and Dahl A.* (2017) Narrating Historical Injustice: Political Responsibility and the Politics of Memory. *Political Research Quarterly*, vol. 70, issue 4, pp. 905–917. DOI: <http://doi.org/10.1177/1065912917718636>.

Verovšek 2016 – *Verovšek P.J.* (2016) Collective memory, politics, and the influence of the past: the politics of memory as a research paradigm. *Politics, Groups, and Identities*, vol. 4, issue 3, pp. 529–543. DOI: <http://doi.org/10.1080/21565503.2016.1167094>.

Bassin 2005 – *Bassin M.* (2005) Russia between Europe and Asia: Ideological construction of geographical space, in *Russian Empire in foreign literature of recent years*. Samara, 2005, pp. 277–310. (In Russ.) Available at: <http://polit.ru/article/2005/04/12/bassin/>.

Bordyugov, Buharev 2011 – *Bordyugov G.A., Buharev V.M.* (2011) Yesterday's tomorrow: how «national stories» were written in the USSR and how they are written now. Moscow, 248 p. (In Russ.) Available at: <http://knigogid.ru/books/147142-vcherashnee-zavtra-kak-nacionalnye-istorii-pisalis-v-sssr-i-kak-pishutsya-teper/toread>.

Valdman, Krasilnikova, Naumov 2019 – *Valdman I.A., Krasilnikova E.I. and Naumov S.S.* (2019) Historical Park «Russia – My History»: Regional Content versus Ideology and Meanings of the Main Exposition of a Multimedia Project. *Prepodavatel XXI vek*, no. 3–2, pp. 219–238. (In Russ.) Available at: http://prepodavatel-xxi.ru/sites/default/files/21_2.pdf.

Vibe 2019 – *Vibe P.P.* (2019) Monumental history of Omsk: mysteries and new discoveries. Omsk, 86 p. (In Russ.) Available at: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=36836884>.

Koposov 2011 – *Koposov N.E.* (2011) The memory of a strict regime. History and politics in Russia. Moscow, 315 p. (In Russ.) Available at: <http://padaread.com/?book=106576>.

Krasilnikova 2019 – *Krasilnikova Ye.I.* (2019) The Memory of Regional Differences: Anniversaries of Siberian Cities (1904–43). *Tomsk State University Journal*, no. 443, pp. 119–131. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.17223/15617793/443/16>.

Miller 2009 – *Miller A.I.* (2009) Russia: power and history. *Pro et Contra*, vol. 13, no. 3–4, pp. 6–23. (In Russ.) Available at: <http://polit.ru/article/2009/11/25/miller>.

Remnev 2007 – *Remnev A.V.* (2007) 300th anniversary of the annexation of Siberia to Russia: in anticipation of the «new historical period». *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*, no. 1, pp. 34–50. (In Russ.) Available at: <http://sibnasledie.omsu.ru/page.php?id=16>.

Rodigina 2006 – *Rodigina N.N.* (2006) Other Russia. The image of Siberia in the Russian magazine press of the second half of the XIX – early XX century. Novosibirsk, 2006, 343 p. (In Russ.) Available at: <http://www.prlib.ru/item/315797>.

Rozhanskii 2014 – *Rozhanskii M.Ya.* (2014) Siberia as a space of memory. Irkutsk, 180 p. (in Russ.) Available at: <http://mion.isu.ru/ru/news/docs/Rojanski.pdf>.

France – memory 1999 – *France – memory* (1999). Saint Petersburg, 328 p. (In Russ.) Available at: <http://freedocs.xyz/pdf-389313199>.

Shenk 2007 – *Shenk F.B.* (2007) Alexander Nevsky in Russian cultural memory: saint, ruler, national hero. Moscow, 592 p. (In Russ.) Available at: <http://padaread.com/?book=30854>.